

ДИСКУССИИ

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ М. КОУЛА “КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ” ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ПРОШЛОГО?

© 1999 г. П. Н. Шихирев

Доктор психол. наук, профессор, директор Центра соц.-психологических исследований

“Культурно-историческая психология. Наука будущего”. Так было переведено на русский язык название “Cultural Psychology. A once and future discipline”, что более точно и существенно иначе по смыслу можно перевести как “Культурная психология. Былая и будущая научная дисциплина”. В первом случае немедленно возникает ассоциация с культурно-исторической теорией мышления Выготского и его последователей, появляется импульс к рассуждению на тему “Россия – родина слона” с соответствующим выбором “лучшего” слона. Во втором – появляются вопросы о роли культурной психологии в прошлом, настоящем и будущем. Ответы на них и составляют в основном содержание книги М. Коула.

Еще более точно книгу следовало бы назвать “Психология развития: культурологический подход к высшим психическим функциям”, ибо именно об этом идет речь в ее эмпирической части. “Исправление имен” в духе Конфуция в данном случае не есть формальное филологическое упражнение, поскольку в зависимости от точного названия книги зависит и уровень ожиданий читателя. Они не будут обмануты при таких уточнениях, поскольку книга Коула представляет собой, во-первых, краткий энциклопедический обзор исследований, релевантных этой теме за последние 150 лет, а, во-вторых, читается как захватывающая драма научных поисков с достаточно печальным исходом. Оказывается, что эти поиски велись не там, где надо. Их главный итог сводится к тому, что в науке называется “плодотворной ошибкой”, т.е. поучительной демонстрацией того, как и где искать не надо. Впрочем, такова судьба не только психологии развития. В ней отразились общие проблемы психологической науки XX века в целом при решении дихотомий: номотетическое – идиографическое; молярное – молекулярное; формальные – содержательные; синтаксис – семантика; социальное – биологическое; науки о духе – науки о природе и т.д. и т.п.

Для американской науки книга весьма радикальна, а лет двадцать пять тому назад она выглядела бы даже революционно, если учесть, что в ней: прямо указывается на выдающееся значение

марксистского понимания роли практики в процессе познания, что преломилось в концепции Выготского и Лурии; не скрывается симпатия к “наукам о духе” и ее основоположникам; условия эмпирического исследования расширяются далеко за рамки лабораторного эксперимента; широко используются данные других наук; наконец, резко критикуется евро-американо-центристский подход к иным культурам. В ней признается бесплодность работы целых поколений американских бихевиористов, не сумевших предотвратить прорыв методологической плотины “стимул-реакция”, в который хлынули целые потоки “опосредующих переменных”, широко разлившихся до размеров “культуры”, вобравшей в себя такие более мелкие притоки, как “установки”, “ситуация”, “контекст” и т.п.

Весь этот материал анализируется в пространстве между постановкой автором и заключительными ответами на два главных и актуальных ныне вопроса: 1) почему психологии так трудно учитывать культуру и 2) если вы как психолог уверены в фундаментальной роли культуры в формировании человеческого поведения, то как научно внедрить эту проблему. Сразу необходимо отметить, что, отвечая на поставленные вопросы, Коул делает большой шаг вперед по сравнению с “mainstream psychology”. Наглядное выражение это находит в главных метафорических образах, к которым он прибегает для решения важных проблем. Первая метафора – расширение треугольника культурно-исторической концепции (со сторонами “субъект”, “объект”, “артефакт”, с. 142), его усложнение путем введения основания, состоящего из “правил-сообщества-разделения труда” (с. 164) и применения этого нового подхода в практическом “исследовании в действии” (К. Левин). Вторая метафора, призванная снять дихотомию “культура-психика”, “социальное-биологическое”, – это сравнение процесса развития с нитью, постоянно и изначально свивающейся из этих и других волокон в процессе фило- и онтогенеза (с. 159). Третья метафора – изображение контекста ситуации “ученик решает задачу” в виде концентрических кругов с учени-

ком в центре, расширяющихся до размеров общества через урок, класс, школу (с. 157). Тем самым ситуация предстает системно, максимально вбирая в себя возможные влияния, сколь отдаленными и косвенными они ни казались бы. Другим следствием этого расширения становится в качестве необходимого условия сотрудничества с разными науками, причастными к соответствующим концентрическим кругам: этнологии, социологии и т.п., вплоть до философии.

Одновременно с экспансией вовне Коул предлагает и экспансию вовнутрь, а именно – не просто учет внутренних психологических особенностей испытуемых (учащихся), но вовлечение их в совместную деятельность по решению задач. Это достигается путем ролевых игр со сменой ролей – методом хорошо известным в социальной психологии и групповой психотерапии. Не менее известен и предсказуем результат такого приема: испытуемые, будучи выведены из состояния пассивного реципиента в процессе традиционного одностороннего дидактического влияния, превращаются в активных субъектов коллективного действия, что качественно меняет их мотивацию, интерес и повышает эффективность процесса решения задач. Аналогичные результаты давным давно были получены в промышленной социальной психологии в ходе развития так называемой партиципативной демократии [8]. В этой связи нельзя не удивиться тому, что опыт современной социальной психологии, в том числе советской и российской (особенно, исследований совместной деятельности), остался для Коула за скобками. Еще большее недоумение вызывают такие пробелы в эрудиции автора “Культурной психологии”, как поверхностное знакомство с работами С. Рубинштейна, и, что еще более существенно, с работами выдающегося мыслителя М. Мамардашвили. О вкладе Рубинштейна применительно к обсуждаемой книге уже писал А. Брушлинский [1]. Отметим поэтому значение исследований второго автора. Это важно в связи с обсуждением дальнейших перспектив культурной психологии в том ее варианте, который обрисовал Коул. Они, как логично предположить, окажутся плодотворными, если, продолжив его же линию рассуждения, должны еще дальше развить и внешнюю, и внутреннюю “экспансию”. Это означает, соответственно, что необходимо двигаться к еще более углубленному пониманию и исследованию социальной системы, составляющих ее подсистем: личности, группы, социальных институтов, в контексте которых совершается индивидуальное развитие. Одновременно с этим необходимо исследовать следствия вовлечения в процесс развития таких еще более глубинных переменных, как морально-психологические, смысловые, экзистенциальные, ценностные ориентации личности. Эта перспектива осознается автором, но в книге она едва обо-

значена. Лишь в заключительной части книги он кратко отмечает следующее.

“Ряд особенностей студенческих дневниковых записей произвел на меня очень сильное впечатление. Во-вторых, они решительно соединяют познание и эмоции. Студенты (помощники М. Коула в эксперименте – П.Ш.) хотят нравиться, хотят получить удовольствие, хотят помочь детям, хотят получить хорошие баллы. Аналогичный набор желаний у детей. При таких условиях взаимодействия интерпретируются студентами, как это и было на самом деле, с точки зрения их аффективной значимости. Но эта оценка зависит от когнитивных достижений как их самих, так и их партнеров.

В настоящее время мы продолжаем работу по сравнению информации студенческих записей с анализом видеозаписей тех же самых взаимодействий. Нас интересует и то, как диалог запомнился, и способы аффективных признаков взаимодействия по отношению к когнитивным достижениям и неудачам. Не менее важным будет и отражение взаимосвязи этих факторов социальными отношениями между участниками.

Поскольку, как всякая социокультурная система, “Пятое измерение” (проект исследования в действии М. Коула – П.Ш.) в разных случаях ведет себя по-разному, я полагаю, что оно может быть использовано как среда для сравнения теоретических представлений теоретических прозрений разных ученых – не только психологов, но и представлений других социально-культурных дисциплин” (с. 382–383). Еще раз необходимо добавить к этому перечню социальную психологию, которая совершенно очевидно развивается в XX веке в соответствии с той же логикой, все более углубляясь в эмоциональную, аксиологическую, смыслообразующую, морально-психологическую сферу социальных отношений [5]. Да и в самой психологии все чаще появляются работы еще по одному виду интеллекта – эмоциональному [7]. Сходные тенденции наблюдаются в кросс-культурной психологии в целом и в этносоциальной психологии [2, 5, 9].

Однако наибольшая методологическая работа предстоит в области методологии анализа социальных связей (отношений). Именно в этой связи огромным подспорьем может стать идейное наследие Мамардашвили. Тридцать лет тому назад, примерно в то время, когда Коул начинал свои исследования, была опубликована статья Мамардашвили “Анализ сознания в работах Маркса”, по своей глубине и фундаментальности превосходящая многие монографии. В ней он показывает, как “из схем Марксова анализа сознания вытекают элементы целого ряда теорий: 1) теоретической модели социальной обусловленности сознания; 2) теории фетишизма и символической социаль-

ного в сознании; 3) теории идеологии...; 4) теории науки и свободного духовного производства как особых форм деятельности сознания; 5) теории сознания как орудия личностного развития человека и его ответственности в сфере культуры и исторического действия" [3, с. 300]. Релевантность перечисленных "элементов" проблеме, поставленной Коулом, очевидна, и более детальная их связь — предмет самостоятельного рассмотрения. Поэтому ограничусь некоторыми соображениями. Первый элемент относится к тому, что Коул называет опосредованием. Мамардашвили пишет: "Чтобы проникнуть в процессы, происходящие в сознании, Маркс производит следующую абстракцию: в промежуток между двумя членами отношения "объект (вещественное тело, знак социальных значений)—человеческая субъективность", которые только и даны на поверхности, он вводит особое звено: целостную систему содержательных общественных связей, связей обмена деятельностью между людьми, складывающихся в дифференцированную и иерархическую структуру. Затем он изучает процессы и механизмы, вытекающие из факта многократных переплетений и наслоений отношений в этой системе, по уровням и этажам которой объективно "растается" человеческая деятельность, ее предметно закрепляемые общественные силы" [там же, с. 301]. Из этого следует, что "между реальным отношением или вещью как она есть, и ими же, как они предстают в сознании, есть поле, не пробегаемое созерцанием и заполненное социальной механикой, продуктом действия которой является то или иное осознание человеком реальности — как внешней, так и внутренней" (там же, с. 304). На этой методологической основе, как показывает Мамардашвили, формулируются "положения, касающиеся природы "вещей чувственно-сверхчувственных, или общественных", проблемы объективации, отношения объективированных, общественно-предметных форм к субъектно-деятельным способностям человека, отношения рационального познания к экономической деятельности, вопроса о том, как эта реальность может представляться непосредственно наблюдателю и почему возможны иллюзорные ее отображения и т.д." [там же, с. 297]. Особо упомянем среди этих "иллюзорных отображений" так называемые "превращения формы" (*Verwandelte Formen*), важным примером которых для психологии являются так называемые "характерные маски" или "маски-сознания", в которых предстают люди, реализующие их в своей деятельности. Как персонажи театральной постановки люди выходят на сцену и произносят текст, "записанный" в индивидах обществом и его механикой. "Маркс фактически рассматривает образования сознания как явления социальной действительности, запечатленные в субъектах, "записанные" в индивидах.

Именно в этом смысле он понимает социальную обусловленность их сознания, а не в каком-либо ином" (с. 307). Отметим, что такая позиция весьма созвучна знаменитой идее Гумбольдта о том, что "не мы думаем, а в нас думает (*Es denkt*)".

Если рассматривать только концепцию общества, сформулированную Мамардашвили по следам Маркса, то нельзя отделаться от ощущения, что социальная система есть некая холодная и бездушная система, "регулирующая собственными отображениями". У самого Мамардашвили эта безликость уравнивается образом личности, которая способна вырваться за пределы бездушной рациональности, развить себя в подлинно экзистенциальных поступках, делать моральный выбор, и тем самым развить само общество. Без соблюдения такой дополненности модель общества окажется продуктом тех ученых, применительно к которым Коул цитирует знаменитые слова Гёте из "Фауста":

"Во всем подслушать жизнь стремясь,
Спешат явления обездуть,
Забыв, что если в них нарушить
Одушевляющую связь,
То больше нечего и слушать".

(цит. по Коулу, с. 379).

Не случайно Коул поддерживает идею "романтической науки", высказанную А. Лурия, и соответствующие ей исследования О. Сэкса. При этом, однако, остается в стороне кардинальный вопрос о том, что же "одушевляет" жизнь? Простейший и наиболее логичный ответ — "дух" — влечет за собой еще более сложный вопрос: "Что такое дух?", который сразу делит науку по линии "материализм-идеализм". Можно ли предложить другое, более "мягкое" решение для этой проблемы? Представляется, что такое решение возможно, если принять следующие положения, большинство из которых явно или неявно принимаются научным сообществом.

Культура — это созданный людьми "третий мир" (артефактов, по Коулу). Это "чувственно представшая психология" (перефразируя слова Маркса о промышленности), или "застывшая психика" (по П. Сорокину). Иными словами, вся культура была когда-то психикой, и до того, как предстать чувственно, быть вынесенной за пределы человеческого тела, с тем, чтобы вернуться в иной, знаковой и т.п. форме, имела форму первичной (по Узнадзе) установки, которая не может быть отнесена ни к категории субъекта, ни к категории объекта. Она может быть исследована только с позиций монодуализма (С. Франк [6]). Ядро этого синкретичного целого и составляет та самая одушевляющая связь, которую в зависимости от идеологической позиции можно анализировать либо как "духовную", либо как экзистенциальную, морально-психологическую. Плодо-

творность и обоснованность такой трактовки культуры подтверждает исследование эволюции современной теоретической и прикладной социальной психологии. Представляется, что и психология развития движется в том же направлении. Об этом свидетельствует глубокая книга М. Коула, вызвавшая размышления о том, каково же будущее у “хорошо забытого прошлого”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брушлинский А.В.* Деятельность и опосредствование. Психол. журн. 1998. № 6. С. 118–126.
2. *Лебедева Н.М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Старый сад, 1998.
3. *Мамардашвили М.К.* Анализ сознания в работах Маркса // М.К. Мамардашвили. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990.
4. *Шихирев П.Н.* Перспективы развития этнической психологии. В кн.: Этническая психология и общество / Ред. Лебедева Н. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1997.
5. *Шихирев П.Н.* Современная социальная психология. М.: “КСП +”, 1999.
6. *Франк С.Л.* Сочинения. М.: Правда, 1990.
7. *Coleman D.* Emotional Intelligence. Why it can matter more than IQ. Bantam Books. 1995.
8. *Thorsrud E.* Democratisation of work as a process of change // European contribution to organisation theory // Ed. Hofstede G. Amsterdam, 1976. P. 244–271.
9. *The Cross-Cultural Challenge to Social Psychology* / Ed. Bond M. SAGE. 1988.